

О СТРУКТУРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА „УТЕС”

Д. Секе

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Ведущие образы зрелой лирики Лермонтова — образы абстрагированные (но не абстрактные). Поэтическая мысль сгущена в строках стихотворения, и между ними: так называемые „зрительные образы” служат обычно лишь средством для ее выражения.

Когда по бытующему и в наши дни упрощенному восприятию в стихотворении „Утес” исследователь находит „образы” утеса и тучки, это приводит к такому наивно-вульгарному толкованию (точнее, пересказу) стихотворения: „здесь рассказ о тучке, ночевавшей на груди утеса-великана, ошастливившей его своей близостью, и о старом утесе, тяжело переживающем одиночество после мимолетной радости, вызывает мысли о человеческих судьбах и переживаниях.”¹

Такой подход к стихотворениям, к сожалению, не единичное явление. А ведь ясно, что Лермонтов не описывает, а выражает, причем не утес и тучку, а мысль разобщенности. *Тучка* и *утес* сами по себе не образы: образ создается их взаимоотношением, сопоставлением. *Тучка* и *утес* — такое же „сырье” по отношению к целому образу (разобщенности), как и разница между грамматическими родами этих слов, как и противопоставление глагольных времен (*ночевала, умчалась* — *стоит, плачет*), ведь этот момент: „умчавшееся” прошлое — для тучки и „оставшееся” — вечно — настоящее для утеса, как и выражающий глубокое раздумье поэтический перенос во второй строфе, как и противопоставление плавности строк, посвященным тучке, полным тяжелыми стечениями согласных строкам, где описывается утес, и тот самый „*влажный след*”, который является своего рода ключом к пониманию стихотворения, ибо он растолкуется двояко: он и остаток тучки, своего рода память о ней, и, в то же время, он — и слеза утеса, который „*тихонько плачет*”, и таким образом связывается „между строками”, как говорят, плач утеса и причина этого плача. С помощью этих элементов (их, конечно, еще больше в стихотворении) сформируется образ разобщенности, являющийся ведущим образом многих стихотворений последних лет жизни поэта.

Многие исследователи обратили внимание на связывающие друг с другом нескольких стихотворений Лермонтова мотив одиночества, разобщенности. При этом, как правило, приводится устойчиво повторяемое в стихотворениях характерное лермонтовское слово *одинокий*. Однако, простым

1 Из одной диссертации последних лет, посвященной творчеству Лермонтова.

выделением этого слова и перечислением стихотворений, где оно встречается, его функция еще не открывается.

Почему-то никто не обратил внимание на то своеобразное явление, что не только само это слово повторяется в стихотворениях (*Парус, На севере диком, Утес*), но и расположение его в структуре стихотворения:

„Белеет парус *одинокий*
в тумане моря голубом.”

(Парус)

„На севере диком стоит *одинокю*
на голой вершине сосна.”

(На севере диком)

„... *Одинокю*
стоит он, задумался глубоко”

(Утес)

Между отдельными элементами стихотворения существуют, помимо логических, речевых, и внутритекстовые связи. Для Лермонтова вообще очень характерно явление переноса: фраза не заканчивается в конце строки, а переносится в следующую. (Кстати, этот прием особенно характерен для поэзии нашего века.) И это никогда не является простым формальным признаком: перенос всегда имеет определенную функцию, является носителем определенного содержания: особенно часто, например, им передается процесс мышления.

В приводимых примерах перенос имеет еще одну, очень важную функцию: слово *одинокю* во всех случаях стоит на конце строки, изолированно, „одинокю”. Тем самым, использованием этого приема резко подчеркивается поэтом семантический смысл слова.

